

ДИПЛОМАТ, ПЕРЕГОВОРЩИК, УЧЁНЫЙ

О.А. Гриневский

О моей жизни и судьбе можно писать детективный роман. Родился в июне 1930 года в Москве в интеллигентной и благополучной семье: отец – профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а мама – библиограф в Наркомате внешней торговли. Но в прошлом у них было все по-другому. Отец был из бедной казачьей семьи в станице Безводной Майкопского района на Кубани в предгорье Кавказских гор. Его отец, мой дед, был хорунжим Кубанского казачьего войска и служил писарем в этой станице. А бабушка – неграмотная казачка и староверка из той же станицы. Но мальчик был способный, рано начал читать и за счёт Кубанского войска его направили учиться на фельдшера. Им он и стал потом работать в разных казачьих полках. А вот мама была из процветающей интеллигентной семьи в Краснодаре. Отец её был известным врачом, а мать – директрисой привилегированной женской гимназии. Там моя мама и училась, а начинающий фельдшер с печалью смотрел, как на школьном дворе играет недоступная ему красавица, в которую он был влюблён.

Всё поменялось после Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСР). Отец мой успешно воевал с белыми на Кубани, потом переехал в Москву, закончил Тимирязевку и стал там продвигаться вверх по научной лестнице. Мамина семья тоже переехала в Москву, где она стала работать библиотекарем. Там он её и встретил в одной из библиотек. Вспыхнула любовь, они поженились, и так, благодаря ВОСР, я появился на свет. Всё было хорошо. Детский сад, школа, но тут гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Начались бомбежки Москвы, и в августе 1941 г. детей с матерями стали эвакуировать из столицы. Так мы оказались в селе Окинино Работкинского района Горьковской

области, в двух километрах от Волги. Там я и окончил начальную школу, которая оставила в моей памяти самые тёплые воспоминания. Прежде всего учительницы – сестры Солнцевы, интеллигентные пожилые женщины, которые по зову сердца поехали в деревенскую глушь сеять разумное, доброе, вечное. В школе была прекрасная библиотека, и я запоем читал классиков литературы.

Потом мама решила возвращаться в Москву и по дороге в столицу мы попали под бомбёжку немецких самолётов. В панике бежали кто куда, а над нами носились самолёты и стреляли. Но, слава Богу, обошлось. Мама, как я говорил то-

О.А. Гриневский – выпускник МГИМО 1954 г., известный дипломат и учёный

гда, потерялась, а меня отправили в детский дом имени Ансена в городе Горьком. И главное, что определяло тогда нашу детдомовскую жизнь, – это голод и вши. Школу бросил – прощай 5-й класс, потому что основной заботой стала добыча пропитания, хотя бы корочки хлеба. А главным развлечением были побег на фронт. Детдомовская шпана, как нас звали, залезала на крышу вагона поезда, привязывала себя брючным ремнём к вентиляционным трубам, чтобы не свалиться, и таким способом с пересадками добиралась до мест, где шли бои. Там мы забирались в окопы, наши солдаты встречали нас приветливо, кормили и давали пострелять во врагов-фашистов из ружей, автоматов и даже пулемётов. Потом нас отлавливала военная милиция и снова отправляла в Горьковский детдом.

Примерно через год мама меня нашла, и мы вернулись в Москву. Там я закончил 310-ю школу. Был отличником, мечтал стать физиком-ядерщиком и потому поступил в МИФИ. Но одновременно подрабатывал на разных предприятиях. И вот мастер одного из них говорит мне: вступай в партию. Против КПСС у меня ничего тогда не было, наоборот, было полное поклонение и уважение. Но посчитал, что ещё недостоин. Потому ответил: да молод я ещё. На что он сказал: вступай, потом всю жизнь меня благодарить будешь.

Ну что ж, вступаю в партию, прохожу все инстанции и на бюро райкома меня спрашивают: а если партия тебя в дипломатию пошлёт? Я удивился и сказал: ну посмотрите на меня – какой я дипломат? А был одет я тогда в свою лучшую одежду – поношенный морской китель с чужого плеча и неприличного жёлто-грязного цвета лыжные брюки.

– Ну а если партия пошлёт? – сурово спросил секретарь райкома. На что я в своей шутиливой манере ответил: надеюсь, партия такой глупости не делает. Лица у них посуровели и мне сказали: – Выйди, мы будем решать.

Я вышел. Через пару минут меня вызвали вновь и сказали: принимаем тебя в партию, но с условием: забирай документы в МИФИ и подавай в МГИМО. Мы даём тебе рекомендацию.

Что ж, партия сказала надо, комсомол ответил есть! Было это в далёком 1949 г. Подаю документы в МГИМО и думаю: провалюсь на экзаменах и вернусь обратно в МИФИ. Но экзамены сдал «на отлично» и прошёл в приёмной комиссии собеседование, которым проверялись все поступавшие тогда в институт. А там задавались самые разнообразные, порой каверзные, вопросы для проверки знаний по истории, литературе, русскому языку. Проверялась также биография и комсомольская деятельность. Но не только. Задавались, судя по всему, и вопросы на проверку находчивости. Меня, например, спросили: сколько станций на железнодорожном пути от Москвы до Киева и на скольких из них есть кипяток? Естественно, я не ожидал такого вопроса и, решив, что меня разыгрывают, отве-

тил: 23 и 12. В комиссии засмеялись и объявили, что я принят в МГИМО на первый курс историко-международного факультета.

Тогда я не знал, что по решению Центра в райкомы партии по всей стране и в само МГИМО было дано указание ограничить поступление детей высокопоставленных лиц, а отбирать, делая упор на способную, умную, знающую молодёжь и комсомольских активистов со всей страны. И результат был налицо. На нашем курсе детей высоких начальников было всего 10%. Остальные – дети из простых семей не только Москвы, но и всей огромной страны. И ещё одна особенность учёбы в МГИМО тех лет. Главное внимание уделялось не дисциплинам узкого профиля, таким, как скажем, консульская служба. Упор делался на изучение дисциплин широкого профиля – мировой литературы, мировой истории от Древнего мира до наших дней, и конечно же истории, культуры и традиций разных стран. Причём лекции нам читали такие видные, можно сказать знаменитые, историки и специалисты, как академик Е.В. Тарле, С.Б. Крылов, В.Н. Дурденевский, А.Ю. Мельвиль, Л.И. Зубок. И цель была одна: сделать из нас не просто высококвалифицированных специалистов, но и высококультурных, образованных людей, которые смогут адекватно вести себя на работе за рубежом.

Так я постигал науки в МГИМО и в 1954 г. окончил учёбу с красным дипломом, поступив в аспирантуру. По специальности я был американистом. Поэтому тему для своей диссертации выбрал «Новые тенденции в развитии мирового капитализма после Второй мировой войны». Основывалась она на изучении этих тенденций прежде всего в США как ведущей державе капиталистического мира. А теоретической базой диссертации, естественно, должно было стать изучение трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Что я и делал. Но в 1956 г. эти исследования мне пришлось прервать – неожиданно-негаданно мне довелось выехать за границу, и ни куда-нибудь, а в Англию! Тогда это выглядело просто как чудо. Не только простым гражданам, но и номенклатуре выезд за рубеж был закрыт. Только в составе высокопоставленных делегаций.

А произошло это так. Как уже потом рассказывали, Хрущёв в том же году совершил свой первый визит в Англию и обнаружил, что всё хорошо в советско-английских отношениях, вот только нет обмена молодёжными делегациями и студентами. Он рассердился и велел, чтобы уже в этом году советская делегация приехала в Англию. Она была быстро сформирована, в неё попал и я. Но перед отъездом нас строго проинструктировали в международном отделе ЦК КПСС, как следует вести себя в этой, как представлялось тогда, коварной империалистической державе. В Лондоне да и в других городах нас встречали огромные толпы людей – просто хотели посмотреть на такое небывалое явление, как скажем, если бы сегодня к нам на Землю прилетели инопланетяне. Но с симпати-

ей, что нас радовало. Потом меня отправили в Саутгемптон, где несколько месяцев я провёл в Саутгемптонском университете. Но и там такой интерес не угасал. Бесконечные встречи и вечеринки-«пати», которые продолжались до поздней ночи, заполняли там моё пребывание. Несколько лет назад Лондонское телевидение просило меня рассказать о своих студенческих впечатлениях, и я так и ответил: сплошные «пати».

Вернувшись в Москву, я занялся своей диссертацией, и в 1957 г. настало время её защиты. Но в дискуссиях на кафедре у меня с оппонентами возникли серьёзные разногласия. Диссертацию защищать теперь мне совсем не хотелось. И тут на помощь пришла судьба. Меня, да и практически весь наш небольшой выпуск аспирантуры 1957 г., позвали на работу в МИД. А случилось это потому, что Хрущёв поставил тогда перед МИД задачу разработать новую эффективную политику международной безопасности и разоружения. Министр Громыко живо откликнулся и по его указанию при Отделе международных организаций (ОМО) была создана специальная «референтура по разоружению», костяк которой составили два выпуска аспирантуры МГИМО – 1956 и 1957 гг. Там и разрабатывалась эта новая политика, причем многие новые идеи шли именно оттуда.

Началось всё с написанного нами, – разумеется, по указанию сверху, – Заявления Хрущёва в марте 1958 г. о прекращении Советским Союзом ядерных испытаний и предложением ко всем другим государствам последовать его примеру. После чего в Женеве начались переговоры научных экспертов с участием ведущих учёных-атомщиков из многих стран, в которых и мне довелось участвовать. Завершились они 21 августа докладом правительства с подробным перечнем методов обнаружения ядерных взрывов и приборов, которые нужно было установить на контрольных постах, а также число таких постов и их распределение на континентах. Об этом я подробно пишу в статье «Как начиналось ядерное разоружение», опубликованной в журнале «Россия XXI» №3 2011 г.

А затем в том же 1958 г. начались и сами переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия, в которых я также участвовал. Проходили они нелегко – все упиралось в контроль и инспекции. США и Англия выступали за жёсткий контроль и предлагали проведение до 20 инспекций в год на территории каждого из государств. А СССР был категорически против, доказывая, что можно обойтись национальными средствами контроля. На этом настаивали наши военные и КГБ. Но Хрущёв хотел соглашения, видя в нём первый шаг к разрядке, а потому решил пойти на ограниченное число инспекций. И в неофициальных контактах, которые мы вели тогда с американскими переговорщиками, такой компромисс вырисовывался на уровне 10–12 инспекций.

Прорыв к соглашению, по замыслу Хрущёва, должен был произойти на предстоящем 16 мая 1960 г. саммите глав государств СССР, США, Англии и Франции. Поэтому в секретных директивах к этому саммиту ему разрешалось дать согласие на 7 и даже на 12 инспекций. Президент Эйзенхауэр, как видно из опубликованных секретных материалов, тоже готов был к этому. Не получилось. 2 мая над Уралом был сбит американский самолёт-разведчик У-2, и разгневанный Хрущёв в Париже кричал и ругался. Ни о чём договориться там так и не удалось.

Надежда появилась через год на предстоящей встрече Хрущёва с новым президентом США Кеннеди в Вене. В своих речах он призывал к миру, разоружению и международной безопасности. Но спровоцировал вторжение на Кубу и потерпел поражение. В общем, в Кремле решили, что теперь Кеннеди окажется в невыгодном положении как в политическом, так и психологическом плане и на него нужно давить по германским делам и ядерным испытаниям. Поэтому меня вызвали из Женевы в Вену на тот случай, если дело пойдёт к заключению договора о запрещении ядерных испытаний. Но и тут не получилось. Первая их встреча состоялась 3 июня 1961 г. в американском посольстве, где Кеннеди неожиданно и как-то неуверенно начал говорить об опасности противостояния коммунизма и капитализма. Но для генсека КПСС Хрущёва это выглядело так, что ему предлагают отказаться от политики построения коммунизма во всём мире. А это всё равно, если бы сегодня кто-либо предложил на переговорах с аятоллой Хомейни отказаться от построения мирового исламского халифата. Поэтому Хрущёв завёлся, и весь день вместо обсуждения и решения конкретных проблем они спорили о капитализме и коммунизме. После этой беседы Хрущёв вышел к нам и назвал Кеннеди слабаком, болтунишкой, ограниченным и даже незрелым человеком. Конкретных результатов там достичь не удалось.

50 лет спустя, в июне 2011 г., в Вене была созвана Международная конференция, посвящённая рассмотрению и научному анализу этого саммита. Я был туда приглашён в качестве немногих оставшихся в живых его участников и выступил с изложением того, как проходила встреча лидеров двух мировых держав, что можно было от неё ожидать и каков был результат. Материалы этой конференции и выступления на ней содержатся в книге Ber wiener gipfel 1961 Kennedy – Khuschtschow. Studienverlag, Innsbruck, Wien, Bozen, 2011 – более 1000 страниц. А в журнале «Россия XXI» № 5 2010 г. мною опубликована статья «Саммит нереализованных возможностей», где подробно описывается, что там происходило.

Поворот произошёл в 1963 г., после Карибского кризиса, поставившего мир на грань ядерной войны. И Договор о запрещении ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой был заключён и стал первым ша-

гом к последовавшей разрядке международной напряжённости. А затем произошёл крутой поворот и в моей судьбе. Отношения с руководством ОМО к тому времени у меня были довольно напряжёнными, и я решил возвратиться в науку, написав книгу о том, как в США делали ядерное оружие. Одну из глав я захотел опубликовать, проверив, какой интерес может вызывать моя книга. Послал я её в весьма популярный в те годы еженедельник «Неделя», бывший приложением к газете «Известия», где главным редактором тогда был зять Хрущёва Аджубей. Из «Недели» мне позвонили и сказали, что статья интересная, будет опубликована, но она очень большая и её надо сократить в три раза. Спешки никакой – работайте.

Сию, сокращаю, утром – было это 7 июля 1964 г., – иду на работу в МИД и в дверях встречаю заведующего отделом печати Замятина. Он сурово спрашивает: «Почему молодые дипломаты публикуются в центральной печати без разрешения отдела печати?» В своей манере шутить я отвечаю: «Это ваши проблемы, гражданин начальник, а не мои». А он говорит: «Я тебя имею в виду!» На что я ему отвечаю: ни в центральной, ни в какой другой печати я ничего не публиковал.

«Но вот в сегодняшних «Известиях» твоя статья?» – спрашивает он и показывает мне газету. – Вся последняя страница в ней занята статьёй «Атом, меченный Пентагоном». Политический очерк О. Гриневского. Окончание следует». Я был в шоке – это была та самая статья, которую я послал в «Неделю», которую мне велели сократить в три раза и которую я сидел и сокращал. Начал объяснять, как было дело, а почему эта статья появилась в «Известиях», я не ведаю. Однако скандал разгорался... Меня ругали последними словами, и особенно старался мой начальник. Всё, решил я, ухожу из МИД, и стал собирать вещи. Но тут зазвонил телефон. На проводе был мой начальник.

– Вот, дожил! – грозно произнёс он. – Сам министр вызывает!

Я пошел к Громыко, но он, в отличие от других начальников, был вежлив и не ругался. Вот пойдёте к Никите Сергеевичу, сказал он, ведите себя так-то и так-то. И стал объяснять, как. Я был поражен. К тому времени я осознал, что я преступник. Но неужели такой большой, что моим делом занимается сам Генеральный секретарь ЦК КПСС?

В Кремле Хрущёв строго спросил меня: «Ты писал?» «Я, Никита Сергеевич», – сознался я. «Сам писал?» – продолжал допрос он. «Сам, Никита Сергеевич. Кто ж за меня напишет?» – ответил я. «А если я тебе скажу написать мне речь, напишешь?» – «Не знаю, Никита Сергеевич, никогда не пробовал». – «Ладно, иди в соседнюю комнату и пиши. Даю тебе час времени». – И он стал подробно объяснять, что писать.

Позднее я выяснил, как это всё произошло. Из командировки вернулся в Москву главный

редактор «Известий» А. Аджубей. Просматривая материалы текущего номера, спросил: есть ли что-нибудь интересное? Ему ответили, что нет. Но в редакции «Недели» такой материал лежит, хотя очень большой. Аджубей велел дать ему посмотреть, а потом сказал: в номер. Так статья появилась в «Известиях». Утром помощники Хрущёва, докладывая прессу, стали читать ему и эту статью. «Кто такой?» – поинтересовался генсек. Никто не знал. В конце концов выяснили, и Хрущёв позвонил в МИД.

В общем, через час я пришёл к Хрущёву с текстом речи, и с той поры стал работать в его команде «речевиков». Да и после мне приходилось неоднократно участвовать в сочинении речей для Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачёва, Громыко и других советских руководителей на различных цеховских дачах в Серебряном Бору, Горках Ленинских, Завидове и т.д. А вот книгу свою про американскую атомную бомбу так и не закончил – времени не было. Но о Хрущёве, его личности и как он делал политику я много лет спустя написал три книги, изданные в четырёх странах: первая в 1995 г. в Швеции: Oleg Grinevsky. «Tovader och kallt krig», Bra Boker, 440 стр. Вторая и самая большая – в 1996 г. в ФРГ – Oleg Grinevskij. «Tauwetter. Entspannung, krisen und neue eiszeit», Siedler Verlag, 527 стр. А в Москве она вышла только в 1998 г.: Олег Гриневский. «Тысяча и один день из жизни Никиты Сергеевича», Вагриус. В 2012 г. она была переведена на румынский язык и издана в Бухаресте: Oleg Grinevski/ «O mie si una de zile din viata lui Hrusciov».

Параллельно с написанием речей шла и моя мидовская работа – началась разработка Договора о нераспространении ядерного оружия, в которой мне также довелось участвовать от начала и до конца. Шла она в основном в Женеве в рамках комитета по разоружению, а связанные с этим вопросы обсуждались также в Нью-Йорке на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. 1 июля 1968 г. договор этот был торжественно подписан одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Его участниками стали более 130 государств мира.

Но самыми важными и интересными стали переговоры по ограничению стратегических вооружений ОСВ -1 и ПРО, которые начались в Хельсинки в 1969 г. Они считались архисекретными, и членами советской делегации были военные высокого ранга и учёные-ракетчики. А для переговоров с американцами был установлен специальный канал неофициальных контактов. С советской стороны его вели я, ставший к тому времени заместителем заведующего ОМО, и полковник ГРУ Николай Кишилов, а с американской Реймонд Гартхофф. Глава американской делегации Дж. Смит в своих мемуарах подробно описывает работу этого канала¹.

Но переговоры по ПРО находились в глухом тупике, и результаты долгожданного визита пре-

¹ Gerard Smith, Doubletalk. The Story of SALT 1, Doubleday and company, ink, Garden city, NY, 1980.

зидента Никсона в Москву повисали в воздухе. Поэтому в середине апреля 1972 г. Политбюро решило обсудить ситуацию на переговорах ОСВ – ПРО. Глава делегации СССР В.С. Семёнов вылетел в Москву, а мне пришлось исполнять обязанности её руководителя. Переговоры, естественно, продолжались, но наступающие субботу и воскресенье мы с американцами решили провести вместе в далёкой Лапландии в порядке, так сказать, установления дружеских контактов между обеими делегациями.

На обратном пути, во время полёта в Хельсинки, Гартхофф пригласил меня и Кишилова сесть вместе и поговорить, как разблокировать тупик на переговорах по ПРО. Подчеркнув, что говорит в сугубо неофициальном плане, он сказал, что компромиссом могло бы стать решение, позволяющее США и СССР создавать ограниченную систему ПРО для защиты двух объектов на территории каждой из сторон. Такими объектами могли бы быть столица государства и одна из баз, где размещены межконтинентальные баллистические ракеты.

Всё это было весьма близко к тому, что обсуждалось и у нас на экспертном уровне. Поэтому я сказал, что инструкций у меня по этим вопросам нет, но лично мне эти соображения Гартхоффа представляются весьма интересными. Я немедленно сообщу о них в Москву. Как только самолёт приземлился в Хельсинки, я тут же поехал в посольство и направил шифротелеграмму в Москву. В ней я подробно описал неофициальные предложения Гартхоффа и сопроводил их собственными соображениями: они не противоречат нашей позиции, открывают путь к согласованию договора по ПРО и поэтому с ними можно согласиться.

Уже на следующий день рано утром из Москвы мне позвонил Семёнов и сказал, что сейчас Политбюро будет рассматривать это предложение. «Ты можешь гарантировать, что американцы тебя не обманывают?» Я ответил, что таких гарантий дать не могу, но весь мой опыт показывает, что таким контактам можно доверять. Политбюро утвердило тогда позицию, весьма близкую к той, которую неофициально предлагал Гартхофф. 21 апреля Семёнов вернулся в Хельсинки с новыми советскими предложениями. Но американцы молчали, а Семёнов нервничал и ругался. Но ни мы, ни в американской делегации тогда не знали, что буквально в эти же дни – 24–25 апреля – в Москве побывал помощник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер. Визит его был сверхтайным – он приехал готовить визит Никсона. В Кремле Брежнев предложил компромисс: пусть каждая сторона ограничится созданием ПРО для защиты двух объектов на своей территории по своему усмотрению. А дальше следовали детали, которые мы с Гартхоффом обговаривали в "тундре". Киссинджер тут же практически со всем согласился.

Так был разрушен гордиев узел по ПРО. 26 мая 1972 г. Брежнев и Никсон торжественно

подписали в Кремле Договор по ПРО и Соглашение ОСВ-1. После этого минуло почти тридцать лет. В Мюнхене на конференции по истории холодной войны собрались ещё оставшиеся в живых её бойцы. Был там и Рей Гартхофф. Я рассказывал, как был найден компромисс по ПРО на "переговорах в тундре". Рей слушал, а потом произнёс: «Да, всё было так. Я тоже прямо из аэропорта в Хельсинки поехал в американское посольство и дал срочную телеграмму в Вашингтон, что Гриневский в самолёте предложил... И далее описал своё компромиссное предложение в тундре. Все смеялись – вот как в дипломатии дела делаются. Как делался Договор по ПРО я описал в главе шестой «К истории Договора о ПРО» в монографии «Безопасность Европы», изданной Институтом Европы РАН в 2011 г.

А меня ждал очередной поворот судьбы. Весной 1974 г. министр Громыко поручил мне заняться конфликтным и кипящим котлом – Ближним Востоком, поработав сначала первым заместителем заведующего отделом Ближнего Востока, войти в курс дела, а потом и возглавить этот отдел. В 1978 г. стал заведующим ОБВ и членом коллегии МИД СССР. Громыко так поздравил меня: вам, молодой человек, зарплату платить не надо и в отпуск ходить незачем. У вас и так не работа, а одни сплошные развлечения – то убийства, то заговоры, то перевороты, а то – похищения. Вам и детективные романы читать не нужно. Вы это и так на работе с утра до ночи делаете».

А Ближний Восток действительно кипел как перегретый котел: арабо-израильский конфликт опять разгорался, кровавая война шла в Ливане, Ирак напал на Иран, постоянные вооружённые столкновения между Северным и Южным Йеменом, Советский Союз начал интервенцию в Афганистане... Всем этим мне и пришлось заниматься почти 10 лет: ездить по Ближнему Востоку, пытаться урегулировать конфликты, встречаться с лидерами арабских стран – Саддамом Хусейном, Ясиром Арафатом, Хафезом Асадом и многими другими, а также организовывать их встречи с Брежневым, Громыко и другими советскими лидерами. Обо всем этом я подробно написал в двух книгах: «Тайны советской дипломатии». М.: Вагриус, 2000 и «Сценарий для третьей мировой войны». М.: Олма-Пресс, 2002.

В сентябре 1983 г. случился новый поворот в моей судьбе. Вызывает Громыко и сообщает, что мне предстоит теперь заняться вопросами безопасности и разоружения в Европе. Инициатива исходит от Андропова, который был тогда генсеком, и меня назначают послом по особым поручениям, руководителем делегации СССР на переговорах по мерам доверия и безопасности в Европе. А к этому времени обстановка в Европе была накалена до предела. Президент США Рейган назвал нас «империей зла» и объявил против нее крестовый поход. НАТО и ОВД проводили военные учения, на которых отрабатывались наступательные операции с применением ядерного

оружия. Ещё в конце 1970-х гг. СССР приступил к замене устаревших ракет средней дальности (РСД) новыми ракетами СС-20, которые покрывали цели во всей Западной Европе. В ответ США начали в 1983 г. размещение в Западной Европе своих новых РСД «Першинг», полётное время которых к целям на нашей территории составляло всего 6-12 минут. В знак протеста мы ушли тогда со всех переговоров по разоружению, которые велись в Женеве и Вене.

Обо всём этом и напряжённой обстановке того времени я подробно пишу в статье «На краю пропасти», опубликованной в журнале «Россия XXI», № 2, 2009. А в 2008 г. в США вышла книга «Turning Points in Ending the Cold War, Hoover Institution Press, Stanford University, в которой содержится моя глава «The crises that didn't Erupt: the Soviet – American Relationship, 1980-1983». Соавторами этой книги являются Джек Мэтлок, Анатолий Черняев, Кондолиза Райс, Майкл Макфол и др.

В общем, из переговорных форумов тогда оставался только Стокгольм. Но когда я ознакомился с указаниями сверху, они предусматривали только ругань, причём в самой жёсткой форме. Поэтому я сказал министру, что нам лучше уйти с этих переговоров, чем заниматься руганью, которая вызовет негативное отношение к нашей стране во всей Европе. На что он мне ответил: «Стокгольм сейчас – это единственный огонёк света в конце туннеля. Ваше дело вести переговоры так, чтобы этот огонёк не погас». Что я и делал. А в таком непростом ритме переговоры в Стокгольме тянулись почти два года, до прихода к власти Горбачёва. Да и он поначалу не менял брежневско-андроповского наследия, хотя в Женеве и Вене переговоры были возобновлены, но они топтались на месте. И только в Стокгольме стали вырисовываться контуры возможного соглашения. Но всё упиралось в контроль и инспекции.

Поэтому на заседании Политбюро 26 июня 1968 г. было решено начать путь к разоружению со Стокгольма, а я послал оттуда шифровку с предложением рассмотреть возможность установления небольшой квоты инспекций – 2-3 инспекции в год на территории каждого государства. 7 августа оно рассматривалось на Политбюро. В своём выступлении на нём подчеркнул, что именно в Стокгольме намечается прорыв: там можно достичь сейчас поворота в европейских, да и в международных отношениях в целом. Однако камнем преткновения является проблема инспекций, а их проведение отвечает интересам нашей безопасности.

И тут началась острая дискуссия. Начальник Генштаба маршал Ахромеев выступал категорически против, заявляя, что раскрытие врагу нашей боеготовности является предательством. Тут Горбачёв остановил его, подчеркнув, что давать политические оценки и принимать политические решения – это дело Политбюро. После чего Политбюро проголосовало за моё предло-

жение о двух-трех инспекциях. А из Кремля в МИД на Смоленскую площадь я пошёл пешком, и в голове звучал истеричный крик Ахромеева: "Это предательство". Любого человека такое обвинение выведет из себя. Но у советских людей в генах сидит память, что за такими словами, особенно в таком месте, неизбежно следовала кара – расстрел или лагеря. Поэтому всю дорогу одна злая мысль сверлила мой мозг: я заставлю тебя проглотить эти слова. Но как? И на подходе к МИД ответ пришёл в голову. На встрече с министром я сказал: «Только что Политбюро впервые в советской истории приняло решение – пойти на инспекцию. Ну почему его будет исполнять какой-то безвестный посол, а не крупный политический деятель, начальник Генерального штаба, Маршал Советского Союза? Его публичное заявление о согласии СССР на инспекцию будет ярким свидетельством, что новое мышление разделяют и советские военные. Шеварднадзе согласился и позвонил Горбачёву. В итоге маршал прилетел в Стокгольм и 29 августа выступил с речью, которая облетела весь мир: Советский Союз впервые предложил проведение двух-трёх инспекций в год, как наземных, так и воздушных, в том числе на собственной территории. Печать писала, что "новое мышление" коснулось наконец и советских военных.

Полтора месяца спустя, 19 сентября 1986 г., Стокгольмская конференция завершила свою работу принятием соглашения о мерах доверия и безопасности в Европе – первым соглашением времён перестройки Горбачёва. Путь к договорённостям по разоружению был открыт. Обо всём этом я подробно пишу в книге «Перелом. От Брежнева к Горбачёву». М.: Олма-Пресс, 2004. Кроме того, мною и замом руководителя делегации США на этих переговорах в Стокгольме написана книга в виде диалога с изложением позиций СССР и США о том, как делалось это соглашение: Ambassadors oleg grinevsky and Lynn Hansen. «Making Peace. Confidence and Security in a New Europe», Eloquent Books, N.Y., 2009.

После этого я продолжал работать в МИД послом по особым поручениям. Ездил по всему миру и по поручению Горбачёва встречался с такими лидерами, как Маргарет Тэтчер, Саддам Хусейн, Папа Римский и многими другими, разъясняя им политику перестройки. Одновременно участвовал практически во всех встречах и переговорах Горбачёва и Шеварднадзе с мировыми лидерами по вопросам международной безопасности. Пришлось заниматься и проблемами объединения Германии. Как оно происходило, я подробно пишу в статьях «Как начиналось объединение Германии» («Россия XXI», № 3, 4, 5, 2007) и «Крутой перелом в объединении Германии» («Россия XXI», № 4, 5, 6, 2008). Причём советская позиция в отношении германского объединения была, по сути дела, провальной. И тут мои оценки происходившего совпадают с позицией известного германиста, профессора МГИМО А.А. Ахтамзяна, который в своей кни-

ге «Объединение Германии. Обстоятельства и последствия» (М.: МГИМО-Университет, 2008) делает всесторонний анализ того, как происходило это объединение.

В 1989 г. Горбачёв назначил меня руководителем делегации СССР на переговорах, которые начались в Вене по вопросам ограничения обычных вооружённых сил в Европе. Делался он в жёсткой борьбе, но 19 ноября 1990 г. такой Договор был подписан в Париже главами 23 государств НАТО и Варшавского Договора. Об этом Парижском саммите в журнале «Россия XXI» № 4, 2009 г. я опубликовал статью «Забывтый саммит». А как делался этот договор, я сейчас и пишу.

В 1991 г. меня послали в Швецию. Я был там последним Послом Советского Союза и первым Послом постсоветской России. Пробыл в Стокгольме 7 лет и занимался развитием российско-шведских отношений в сфере политических, экономических, торговых и культурных отношений. Был награждён королём Швеции рыцарским орденом Полярной Звезды. Все эти годы я выступал с лекциями в разных странах по вопросам международной безопасности, разоружения и нераспространения ядерного оружия. И в июле 1991 г. получил звание почётного доктора политологии Саутгемптонского университета.

В 1997 г. сам попросился в отставку. Пора. Лучше самому уйти, чем дожидаться, когда тебя отправят на пенсию. Причём был выбор: звали в бизнес – торговать нефтью и приглашали в Гуверовский институт Стэнфордского университета в Калифорнии заняться преподавательской и научной деятельностью. Выбрал Стэнфорд. Оказалось, что там, в Гуверовском институте, хранятся не только уникальные страницы истории, но разрабатывалась политика Республиканской партии США и работали люди, которые эту политику делали. Достаточно взглянуть на список сотрудников хотя бы за 1999 г. Возглавлял его бывший госсекретарь Джордж Шульц. Затем следуют тоже бывшие – министр обороны Уильям Перри, заведующая советским отделом Совета национальной безопасности Кондолиза Райс, посол на переговорах по сокращению вооружённых сил в Центральной Европе Ричард Стаар и многие другие. Разговаривая с ними и роюсь в гуверовских архивах, я смог прояснить многие «белые пятна» в истории холодной войны, которые помогли мне написать книги, о которых я уже здесь упоминал.

Но главным было другое. Раз в две-три недели эти лица собирались в узком составе и обсуждали острые международные проблемы, пытались определить способы их решения. В этих форумах довелось участвовать и мне, где я излагал свою, российскую, точку зрения и становился затравщиком дискуссий. Кроме того, я ездил по стране с лекциями по различным международным вопросам. А когда США начали войну в Ираке, особенной популярностью стали

пользоваться мои лекции о ситуации в Ираке и Саддаме Хусейне, с которым мне пришлось немало встречаться. Выступал по телевидению, причём даже в ток-шоу знаменитого телеведущего Ларри Кинга.

Начал преподавать, причём не только в Стэнфорде, но и в Огайском государственном университете. Мною тогда был разработан курс «Процесс принятия внешнеполитических решений. Переговорный практикум». Вначале я излагал теорию принятия внешнеполитических решений по этапам, а потом предлагал самим студентам выбрать острую международную проблему, требующую решения, и затем, разделившись на группы стран, которых эта проблема затрагивает, приступить к применению теории на практике – поэтапно вырабатывать позицию заинтересованных стран и вести переговоры. Надо сказать, что курс этот пользовался популярностью.

Но в 2003 г. решил вернуться домой, в Россию. Несмотря на высокое материальное положение, духовная жизнь в Америке меня не устраивала. Поступил на работу в Институт Европы РАН, где стал руководителем Центра Европа–США. Основные проблемы, с которыми мне пришлось иметь дело, – это создание европейской ПРО, рост угроз терроризма и исламского радикализма, взрывная волна, прошедшая по Ближнему Востоку и Северной Африке, и ядерная программа Ирана – миф или реальность. По всем этим проблемам мною написаны статьи, которые опубликованы в монографиях: Россия в системе европейской безопасности: проблемы и перспективы. Отв. ред. О.А. Гриневский. Русский сувенир, М.: 2008; Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. М.: РГГУ. 2007; К безопасной Европе: вклад России. Доклад Института Европы. М., 2007; Earning Zoints in Ending the Cold War. Ed. by Kiron Skinner. Hoover Institution Press. Stanford University, 2008; Россия в системе европейской безопасности: проблемы и перспективы. Институт Европы РАН. М., 2008; Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. М.: Весь мир. 2009; Безопасность Европы. Институт Европы РАН. М.: Весь мир. 2009; Проблемы экстремизма и терроризма в Европе: причины и следствия. Институт Европы РАН. М., 2009; Россия в многообразии цивилизаций. Институт Европы РАН. Весь мир. М., 2011; Безопасность Европы. Институт Европы РАН. Весь мир. М.: 2011; «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений». Русский фонд содействия образования и науки. М., 2012.

Одновременно стал преподавать сначала в МГИМО, а потом и по сей день в РГГУ разработанный мною ещё в США курс «Процесс принятия внешнеполитических решений. Переговорный практикум».